

**ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ИРАНСКИХ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КУНСТКАМЕРЕ
(К 100-летию со дня рождения Э.Г. Гафферберг)**

Центрально-азиатский регион отличается чрезвычайной пестротой этнического состава, а также разнообразием культурно-хозяйственных типов — соседством оседлого и кочевого населения. Вплоть до 1920-х гг. культура кочевых племен Центральной Азии, среди которых есть как тюркские, так и иранские по своему происхождению народы, продолжала оставаться мало изученной в отечественной науке. Существенным вкладом в восполнении этого пробела, безусловно, можно считать научную деятельность выдающегося ученого Э.Г. Гафферберг, много лет проработавшей в стенах Кунсткамеры. Большую часть своей творческой жизни она посвятила исследованию этнографии народов Центральной Азии. Интересы Люции Эллен Эдит Густавовны Гафферберг как этнографа были главным образом сосредоточены на изучении быта, духовной и материальной культуры иранских кочевых народов.

Э.Г. Гафферберг родилась в Санкт-Петербурге в 1906 г. в семье заведующего пакгаузом портовой таможни. Ее родители умерли во время голода в Петрограде 1918–1919 гг., когда Э. Гафферберг было 12 лет. С этого времени она воспитывалась в детском доме. Окончив в 1924 г. школу, Гафферберг поступила в Ленинградский географический институт, который позднее вошел в состав этнографического отделения Ленинградского университета. Годы учебы в университете стали важной вехой в становлении Э.Г. Гафферберг как ученого-этнографа. Интерес к этнографии она проявила еще в молодости, в бытность студенткой университета. Тогда же она получила и первый опыт работы в поле. Так, в 1926–1927 гг. она занималась изучением курдов в Эчмиадзинском уезде Армении, в 1930 г. работала в составе экспедиции Узбекского научно-исследовательского института (Самарканд). Основной задачей этой экспедиции являлся сбор этнографических материалов и изучение цеховых организаций Хивинского оазиса. В 1930 г. Э.Г. Гафферберг заканчивает этнографическое отделение Ленинградского университета, в состав которого вошел Ленинградский географический институт. В течение следующих пяти лет она работала в Учебном комбинате рабочих бумажной промышленности при фабрике им. Горького, где преподавала географию. В 1934 г. она начинает работать в отделе Передней и Средней Азии Института этнографии АН СССР.

Безусловно, особое место в научной карьере Э.Г. Гафферберг занимает ее работа в составе Среднеазиатской этнологической экспедиции 1928–1929 гг. Руководителем этой экспедиции, состоявшей из антропологической и этнографической секций, был выдающийся отечественный ученый

академик В.В. Бартольд. Работа Среднеазиатской экспедиции связана с такими именами, как Б.Н. Вишневский (руководитель антропологической секции) и И.И. Зарубин (возглавлял Зеравшанский отряд этнологической секции). Известно, что «В.В. Бартольд лишь формально был главой экспедиции, фактически ею руководил И.И. Зарубин, наблюдая за этнографическими и диалектологическими исследованиями»¹. И.И. Зарубин был первым этнографом, посетившим с целью научного изучения переселившихся в Туркменскую ССР из Афганистана и Иранского Систана белуджей; он совершил поездку в Мервский округ с целью выяснения расселения, численности и основных особенностей малоизвестных ираноязычных групп Туркменистана. В задачи Э.Г. Гафферберг и работавшего совместно с ней Д.Д. Букинича входило углубление и дополнение сведений, собранных участниками экспедиции 1927 г. по культуре и быту кочевых и полукочевых иранцев Туркмении (джамшидов, хазарейцев, белуджей).

Довольно сложные условия, в которых приходилось работать участникам экспедиции, нередко вынуждали Э.Г. Гафферберг менять свои планы. Предполагалось, например, что, прибыв в Мерв, исследователи незамедлительно отправятся в Кушкинский район. Между тем ввиду неожиданно возникших сложностей исследователям пришлось на некоторое время задержаться в Мерве. За время работы экспедиции ученые собрали богатый фактический материал. Например, были сделаны зарисовки различных этапов производства кибиток, составлено подробное описание всего процесса производства. Следует особо отметить ту скрупулезность, с которой работали исследователи, они старались не упустить ни одной сколь-нибудь важной детали, фиксируя материалы, которые требуются для изготовления остова кибитки, некоторые тонкости ремесла мастеров, добавив к этому также описания самих ремесленников².

Следуя разработанному маршруту, участники экспедиции прибыли в Кушкинский район, где вновь столкнулись с неожиданными трудностями. Э.Г. Гафферберг отмечала в своем полевом дневнике: «Ни помещения, ни средств передвижения в Кушке за деньги получить нельзя (нет ни гостиницы, ни извозчиков), но местной Пограничной Комендатурой по предъявлении разрешения на въезд в Кушку была предоставлена комната»³. О тех сложностях, которые сопровождали работу исследователей во время их пребывания в Кушке, свидетельствуют и другие полевые записи: «Есть также радиостанция, но посылать радиограммы не рекомендуется, так как, по словам местных жителей, слова до такой степени перевираются, что почти невозможно понять смысла»⁴.

Нередко препятствия чинила и местная администрация. Для того, например, чтобы Д.Д. Букиничу и Э.Г. Гафферберг выехать к джамшидам и приступить к исследованиям, требовалось «в Кушке посетить три коменданта: у коменданта пограничной стражи зарегистрироваться, у коменданта города — получить пропуск для свободного проезда через городские

ворота. Комендант крепости предоставил нам военную подводку для проезда в Чаман-и бид, главное поселение джамшидов»⁵. Поначалу участники экспедиции были встречены председателями совета аула. По словам Э.Г. Гафферберг, это было вызвано тем обстоятельством, что «он (т. е. председатель совета. — В.К., Т.С.) не хотел иметь свидетелями посторонних людей, так как вместе с другими джамшидами принимал участие в угоне скота из Афганистана»⁶. Однако, несмотря на тяжелые условия и многочисленные трудности, работу экспедиции следует признать чрезвычайно плодотворной. Исследователями был собран богатейший фактический материал, отражающий различные стороны традиционного быта населения этого региона.

Лингвистика стала еще одной сферой научных интересов Э.Г. Гафферберг. Во время работы упомянутой выше экспедиции исследовательницей был собран и описан богатейший фактический материал, а также крайне ценные сведения лингвистического характера, отражающие характерные речевые обороты, особенности словарного состава языка джамшидов и хазарейцев. К сказанному следует добавить, что в своих научных изысканиях Э.Г. Гафферберг не ограничивалась только лишь иранскими племенами Кушкинского района. О широте ее научных интересов можно судить, в частности, и по тому обстоятельству, что ею был собран и зафиксирован весьма интересный этнографический и фольклорный материал, касающийся культуры и быта малочисленного русского населения.

На следующий год (в конце августа 1928 г.) Э.Г. Гафферберг принимает участие в работе комиссии по землеустройству среди хазарейцев и джамшидов. В своих дневниковых записях она отмечает чрезвычайно любопытное обстоятельство: часто местные жители, в особенности женщины, просили ее оказать им медицинскую помощь. Объясняется это тем, что среди джамшидов лишь мужчины, да и то в редких случаях, обращались к врачу, женщины же вообще лечились только средствами народной медицины или амулетами-оберегами, изготовлявшимися из ткани, в которую вкладывали написанные на бумаге коранические айаты⁷.

Деятельность Среднеазиатской этнологической экспедиции 1928 г., в том числе и вклад Э.Г. Гафферберг, внесенный в реализацию поставленной перед исследователями задач, можно оценить как весьма успешную. Плодотворная работа экспедиции во многом позволила сделать серьезный скачок в изучении кочевых и полукочевых народов Центральной Азии.

В последующие годы Э.Г. Гафферберг продолжила свои полевые исследования, совершив, в частности, ряд поездок к местам компактного проживания белуджей в Туркмении. Результаты этих поездок легли в основу монографического исследования «Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта»⁸. Этот труд стал своего рода magnum opus исследовательницы. Он был основан на огромном оригинальном полевом этнографическом материале – сведениях, полученных в результате

шести сезонов экспедиционных работ. В 1958 г. среди белуджей работал отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, во главе которого встала Э.Г. Гафферберг. Целью данной экспедиции был сбор сведений о расселении и численности народа в Туркменистане, а также их хозяйстве и материальной культуре для дополнения главы «Белуджи» в томе «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира»⁹. Полевые исследования, призванные продолжить всестороннее изучение белуджского населения, были продолжены в 1959, 1960, 1961, 1962 и 1967 гг. Весьма объемная и ценная информация, полученная у местного населения во время полевых исследований, осуществлявшихся под руководством Э.Г. Гафферберг, многочисленные фотографии и рисунки, дающие наглядное представление о реалиях жизни белуджей, нашли свое место в монографии «Белуджи Туркменской ССР».

«Значительным шагом вперед в историко-этнографическом освещении важнейших вопросов жизни национальных меньшинств» назвало этот труд научное сообщество¹⁰. Данное издание стало первым в российской/советской историко-этнографической литературе полновесным монографическим исследованием, затрагивающим все разнообразие вопросов специфики производственной деятельности, бытовой и общественной жизни, семейных отношений, материальной и духовной культуры. Несмотря на то, что объектом изучения Э.Г. Гафферберг были белуджи, проживающие на территории Туркменской республики СССР, общая численность которых составляла всего 8 тыс. человек¹¹, географические рамки исследования оказались гораздо шире. Автор затронул проблемы современного и традиционного быта белуджей, проживавших и за рубежом¹². Перед автором стояла сложная и злободневная задача: подвергнуть культуру местного населения детальному анализу и ознакомить с его результатами специалистов этнографов, востоковедов и историков, равно как и широкий круг заинтересованных читателей, в непростых условиях, сложившихся после перехода (вернее — перевода) белуджей от кочевого и полукочевого к оседлому образу жизни, в обстоятельствах, когда многие элементы традиционной культуры могли исчезнуть или кардинальным образом видоизмениться. Кропотливая работа по фиксации материалов, отражавших важнейшие аспекты повседневной жизни и культуры кочевых иранцев, а следовательно, сохранение этих фактов для последующих поколений, была одной из заслуг Э.Г. Гафферберг.

Количество тем и вопросов, затронутых на страницах книги «Белуджи Туркменской ССР» весьма обширно и охватывает фактически все стороны жизни белуджей, что дает веские основания говорить о данной работе как о фундаментальном труде по изучению этого кочевого народа. Книга начинается кратким обзором истории, этнического состава и особенностей расселения этого народа на территории Туркменистана, после чего автор подробно рассматривает характерные черты материальной культуры мест-

ного населения. По общему признанию отечественных этнографов, именно эта глава монографии стала одним из самых удачных разделов книги. В ней с большим знанием этнографического материала рассматриваются составные элементы традиционной и современной (на период середины XX в.) культуры, закономерности ее развития. Помимо детальных описаний типов жилищ, пищи, утвари, особое внимание Э.Г. Гафферберг уделяет рассмотрению особенностей традиционной одежды, которая на протяжении долгого периода устойчиво сохраняет свою этническую специфику. Не менее детально и обстоятельно отражена специфика семейной жизни белуджей, вопросы брака и свадебного обряда, рождения и воспитания детей. Специальный раздел посвящен описанию основных занятий белуджей. При этом здесь рассматриваются не только всегда характерное для белуджей кочевое или полукочевое скотоводство, но и относительно новый для них вид деятельности — ведение земледельческого хозяйства, стремительный переход к которому был связан с мероприятиями, проводимыми в период 1927–1930 гг. в связи с переводом кочевых народов Центральной Азии на оседлый образ жизни.

Следует отметить, что лейтмотивом всей монографии стала тема глобальных изменений, произошедших за весьма короткий промежуток времени с белуджами советского Туркменистана, что отразилось как в материальной культуре, так и в общественной и культурной жизни этого народа. Реалии советской эпохи, в первую очередь давление партийной конъюнктуры в отношении перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, повлияли и на характер оценки данного явления в книге «Белуджи Туркменской ССР». По этой причине ее автор, естественно, высоко и положительно оценивает результаты перехода к оседлости и процесса коллективизации¹³. Вместе с тем Э.Г. Гафферберг был справедливо отмечен главный результат подобных, несомненно, болезненных и сложных изменений, а именно — трансформация традиционного сознания у весьма значительной части населения. Изменения политической ситуации, новые идеологические установки и как следствие — начало формирования новой мировоззренческой системы оказали непосредственное влияние на реалии жизни населения Центральной Азии, и белуджи не стали здесь исключением. Быстрое проникновение в их материальную культуру инородных элементов, проявляющееся в изменениях одежды, жилища, питания, влияние туркменского и русского языков в первую очередь на лексический состав белуджского языка, общее сближение указанной национальной группы с окружающим населением сопровождали белуджей в XX в. Во многом это объясняется закономерностью этнических процессов в небольшой по численности национальной группе, отделенной в силу исторически сложившихся причин от основной территории ее компактного расселения. Объективный подход к изучаемой проблеме, в результате которого политическая ангажированность некоторых моментов отступает на задний план, делает

монографию Э.Г. Гафферберг исключительно ценной научной продукцией, не потерявшей свою актуальность и значимость и в настоящее время. Более того, следует отметить, что на протяжении более 35 лет книга «Белуджи Туркменской ССР» остается практически единственным фундаментальным этнографическим исследованием, посвященным изучению этого народа Центральной Азии в отечественной науке. Помимо этого научного труда перу Э.Г. Гафферберг принадлежат многочисленные статьи по весьма разнообразной тематике, затрагивающие многие вопросы традиционной культуры населения Центральной Азии, в первую очередь кочевых иранских народов.

Не менее плодотворна была и собирательская деятельность Э.Г. Гафферберг. Во время полевых исследований, проводившихся в период с марта по ноябрь 1928 г., Э.Г. Гафферберг совместно с Д.Д. Букиничем работала в Кушкинском районе, где собирала сведения по материальной культуре джамшидов и хазарейцев. Предполагалось, кроме того, собрать в Мервском оазисе коллекцию по туркменской керамике. Э.Г. Гафферберг отмечала впоследствии: «Удалось закупить полную коллекцию предметов керамического производства, но самого производства проследить не удалось, так как во время пребывания экспедиции в Мерве гончарные мастерские не работали»¹⁴. Впрочем, несмотря на неблагоприятно сложившиеся обстоятельства, участникам экспедиции удалось зафиксировать один из этапов производства — процесс изготовления специального состава, которым поливаются гончарные изделия¹⁵. Э.Г. Гафферберг и Д.Д. Букиничу удалось собрать богатейший материал, характеризующий различные сферы жизни местного населения. Очень ценными в этом смысле являются замечания Э.Г. Гафферберг, которая не ограничивалась лишь фиксацией этнографических сведений, но, используя свой прежний опыт работы в поле, подмечала специфические черты, отличающие особенности ментальности и поведения джамшидов. По сравнению с курдами-езидами, изучение которых пришлось на студенческие годы Э.Г. Гафферберг, она отмечала большую раскованность джамшидских женщин: если вначале они несколько стеснялись фотографироваться, то затем стали сами просить запечатлеть их на фотопленке. Любопытный случай произошел с участниками экспедиции, когда они отправились в один из аулов, с тем чтобы сделать фотоснимки происходившей там свадьбы. Неожиданно им пришлось столкнуться с недоверчивым, более того, даже враждебным отношением местных жителей — участников свадебной церемонии, которые пытались всячески воспрепятствовать фотосъемке, умышленно становясь перед фотоаппаратом и заслоняя невесту. Несмотря на все уговоры, ученым так и не удалось зафиксировать шествие молодых из дома невесты, женщин в праздничных нарядах, принимавших участие в свадебной процессии. Попытки расспросов местных жителей также не принесли желаемых результатов, ибо последние либо отмалчивались, либо откровенно обманывали

исследователей. И лишь впоследствии выяснились причины такого поведения местного населения. Оказалось, что, прибыв в аул, Д.Д. Букинич и Э.Г. Гафферберг, безусловно, того не желая, невольно нарушили существующий местный обычай, согласно которому всякий новоприбывший, оказавшийся в ауле, должен был прежде всего представиться баю группы. Э.Г. Гафферберг оставила по этому поводу следующее весьма ценное замечание: «Самый верный прием, придя в летовку, спрашивать “такого-то” и отправляться прямо к баю. Затем с очень деловым видом вынуть записную книжку и записать название летовки, род, количество домов и все, что нужно. Это сразу производит впечатление. Тотчас же кричат женщин, чтобы приготовили чай и после этого можно и поговорить и пошутить без всяких опасений»¹⁶.

Говоря в целом о характере работы Э.Г. Гафферберг во время Среднеазиатской этнологической экспедиции 1928–1929 г., следует прежде всего отметить широту и разносторонность собранного ею материала, позволяющего в той или иной степени судить об основных сторонах традиционного уклада жизни, быта, материальной и духовной культуры джамшидов и хазарейцев. В ее дневниковых записях отчета сохранились сведения по миграции местного населения, причинах, а также характере расселения, подробно отражены основные формы хозяйственной деятельности, собраны и зафиксированы оригинальные материалы, характеризующие особенности местной налоговой системы. Особое внимание Э.Г. Гафферберг уделяла описанию разнообразных религиозных обрядов и магических практик. Кроме того, в ее записях встречаются сведения, касающиеся традиционной пищи, народной медицины, специфики родоплеменных отношений, лингвистические материалы и проч. При всем этом обращает на себя внимание та аккуратность, точность и скрупулезность, с которыми Э.Г. Гафферберг вела свои полевые дневники. Интерес и любознательность, которые она демонстрировала в своих полевых изысканиях, позволили Э.Г. Гафферберг в ряде случаев зафиксировать поистине уникальный этнографический материал. Так, в процессе полевых исследований она посетила селение племени зури, кочевников, во время своих передвижений часто пересекавших границу, сведениями о которых отечественная этнографическая наука в то время практически не располагала. Э.Г. Гафферберг вспоминает, что в одном из селений «женщины с криком убежали, когда я даже одна, в сопровождении одного из зуриинцев, пыталась к ним приблизиться. Только когда мы вытащили обменный фонд — материалы, некоторые женщины заинтересовались и даже вступили в разговор»¹⁷. Следует отметить, что вследствие ограниченности во времени (по сообщениям Э.Г. Гафферберг, у племени зури ей удалось пробыть лишь один день, поскольку охрана из красноармейцев, которую предоставила местная пограничная застава, не могла оставаться в ауле на ночь), научная деятельность была крайне насыщенной.

Велика заслуга этой исследовательницы и в процессе формирования и расширения музейных фондов Музея антропологии и этнографии. «В каждом ауле, — писала она, — окружает толпа любопытных. Вещи продают охотно, кроме самых необходимых. Медную посуду не отдадут ни за что. Деревянную тоже»¹⁸. При этом часто участникам экспедиции приходилось сталкиваться с совершенно неожиданными трудностями. Так, после отъезда Д.Д. Букинича, Э.Г. Гафферберг вынуждена была выехать из района обследования в Кушку, с тем чтобы достать в Пограничной Комендатуре афганские рупии, которые были необходимы для приобретения вещевых коллекций, в частности, женских украшений. Местные жители отказывались их продавать за русские деньги¹⁹. Тем не менее, за сравнительно небольшой срок участникам экспедиции удалось собрать значительную вещевую коллекцию, которая насчитывает свыше пятисот предметов. Отметим среди них юрту хазарейцев (МАЭ. Колл. 3802), два джамшидских жилища (МАЭ. Колл. 3801). В фотоиллюстративный фонд музея по результатам этой экспедиции поступило более трехсот фотоснимков и около пятидесяти рисунков и чертежей²⁰. Плодотворная собирательская деятельность Э. Г. Гафферберг продолжилась и в последующие годы, значительно расширив наши сведения о различных сторонах жизни местного населения. Не меньшую ценность представляют собой и масштабные архивные материалы, связанные с деятельностью Э.Г. Гафферберг; среди них особое место занимают полевые дневники и экспедиционные отчеты.

Материалы, собранные Э.Г. Гафферберг за время многочисленных экспедиций, легли в основу целого ряда публикаций этого автора, некоторые из которых и по сей день остаются едва ли не единственными этнографическими исследованиями, затрагивающими вопросы быта и культуры кочевых иранцев Центральной Азии. Многие из работ Э.Г. Гафферберг сохранили свою научную значимость и по сей день, являя собой образцы глубокого и скрупулезного научного творчества, по праву ставя их создателя в ряд выдающихся российских ученых XX века, работавших в стенах «Кунсткамеры».

¹ Прищепова В.А. Коллекции заговорили. СПб., 2000. С. 136.

² Архив МАЭ. 321. Оп. 2. № 227. Л. 1.

³ Там же. № 177. Л. 14.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Прищепова В.А. Указ. соч. С. 167.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ Гафферберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л., 1969.

⁹ Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963.

¹⁰ См.: Винников Я.Р. Рецензия на ст. Э.Г. Гафферберг «Белуджи Туркменской ССР» // Советская этнография. 1971. № 3. С. 151–153.

¹¹ По результатам переписи 1959 г. (см.: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР. М., 1963. С. 28, табл. 53).

¹² В основном речь идет о белуджах, проживавших на территориях Афганистана, Ирана и Пакистана.

¹³ См.: Гафферберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л., 1969. С. 235.

¹⁴ Архив МАЭ. 321. Оп. 1. № 177. Л. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 32–35.

¹⁷ Там же. Л. 59.

¹⁸ Там же. Л. 56.

¹⁹ Архив МАЭ. 321. Оп. 2. № 178. Л. 7.

²⁰ Прищепова В.А. Указ. соч. С. 170–171.